

№ 39.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1915 г.

17 окт, 49448/6

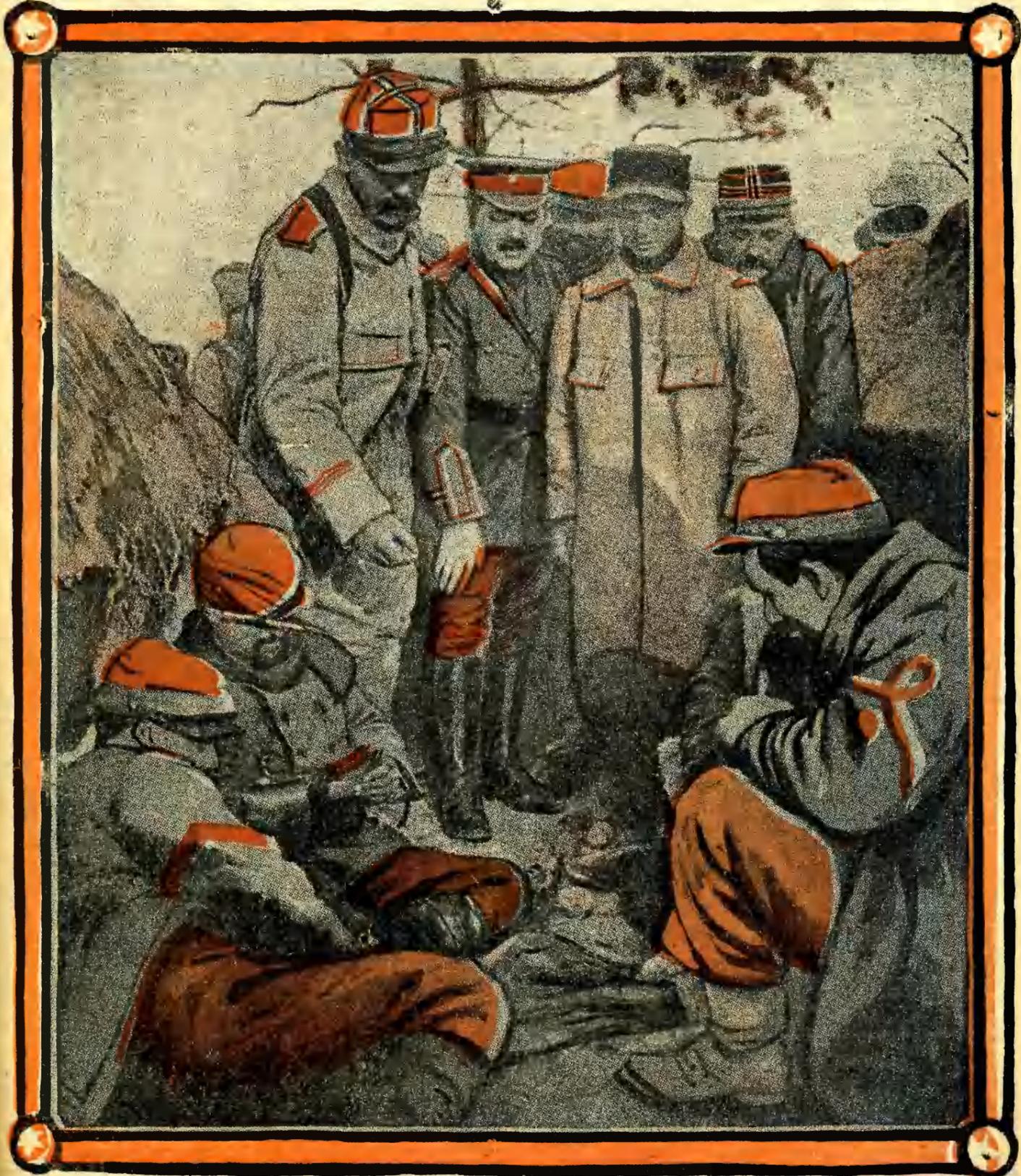
ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦЕНА 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

ЮНЬ.

Во французской траншеѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

На 1 годъ
4 руб.

на сенсационный, литературно-художественный
роскошно-иллюстрированный въ краскахъ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

На 1/2 года
2 руб.

20-й ВЪКЪ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

Каждый номеръ, до конца войны, **СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.**

ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА существования—„20-й ВЪКЪ“ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, по количеству тиража въ русской периодической печати.

180.000 экземпляровъ въ недѣлю—лучшее доказательство необычайнаго успѣха журнала у русской читающей публики.

Каждый № „20-го ВЪКА“ содержитъ въ себѣ захватывающе-интересные военные рассказы русскихъ и иностранныхъ авторовъ.—Рассказы-корреспонденции съ театра войны.—Разоблаченія военного шпионажа неприятельскихъ странъ.—Кошмары войны.—Война въ воздухѣ.—Война подъ водой.—Наши

герои.—Военно-историческій альбомъ.—Шрапнель (курьезы войны).—Веселыя мины.—Художественное воспроизведеніе рисунковъ.—Всѣ рисунки ясны и отчетливы.—Картины и рисунки на военныя темы.—Вооруженіе друзей и враговъ.—Фотографіи собствен. корреспонд. съ театра войны.

Подписная цѣна съ пересылкой по всей Россіи: На 1 годъ 4 руб.; на полъ-года 2 руб., на 3 мѣс. 1 р. Деньги адресовать въ контору журнала „20-й ВЪКЪ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

Розничная продажа, по 6 коп. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на пароходн. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ
(одиннадцатый годъ изданія),
на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ иллюстрированный
худож.-литерат.

ЖУРНАЛЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕГКАГО ЖАНРА

„ВСЕМИРНЫЙ ЮМОРЪ“

Въ журналѣ печатаются злободневные „военные“ фельетоны и рассказы легкаго жанра лучшихъ иностран. авторовъ, изъ послѣднихъ №№ французскихъ, английскихъ, итальянскихъ и польскихъ юмористическихъ изданій.

Особенное вниманіе обращено на художественную сторону изданія.

Не менѣе 30 рис. и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ въ многокрас. обложкахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1/4 года 1 р. 50 к.

Розничная продажа №№ журнала производится во всѣхъ кіоскахъ столицъ и провинціи, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ пристаняхъ и у газетчиковъ—по 10 к. за номеръ.

Деньги и письма адресовать въ главную контору журнала „Всемирный Юморъ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ
(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА
„ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА“

ВО ВСЕ ВРЕМЯ ВОЙНЫ
Каждый номеръ СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.

Не менѣе 30 рисунковъ и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ, въ многокрасочныхъ обложкахъ. Безпощадная борьба съ нашими врагами, при помощи ядовитаго смѣха—вотъ задача журнала въ 1915 г. Журналъ гордится тѣмъ, что уже испортилъ много крови кайзеру Вильгельму и Францъ-Иосифу, которые уже дали обѣщанія разстрѣлять редактора и всѣхъ сотрудниковъ... когда въ полѣ ракъ свистнетъ.

Въ 1915 г. въ журналѣ „Попрыгунья-Стрекоза“ по прежнему принимаютъ участіе слѣдующіе известные русскіе юмористы:

Сэръ Пичъ-Брэнди.—Евгеній Вѣнскій.—Евгеній Сно (Ясновидящій).—Наль.—И Герсонъ (Зрячій).—Сергій Михѣевъ.—Вегеновъ.—Н. Агнивцевъ.—Вильгельмъ Теткинъ.—Амадисъ Гальскій и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: На 12 мѣс. 4 руб.; на 6 мѣс. 2 руб.; на 3 мѣс. 1 руб. Деньги адресов. журналу „Попрыгунья-Стрекоза“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА, по 7 к. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на парох. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 „ 1/2 года 2 „ — „
 „ 1 мѣс. — „ 30 „
 Перем. адреса 25 к.
 Непринятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Такса объявленій:
 За строку непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текста . 90 к.
 позади „ . 60 „
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 39 — 1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Июнь =

АКТЕРЫ.

Разсказъ Б. Гейера.

День начался съ неприятности. Квартирная хозяйка, грубая и толстая баба, въ девять часовъ утра безцеремонно забарабанила въ дверь комнаты, гдѣ сладкимъ утреннимъ сномъ спали два великихъ артиста мѣстной труппы: комикъ Зауральскій и молодой любовникъ Клодевилъ, по паспорту Симичкинъ.

Первымъ проснулся комикъ. Поднявъ голову, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, онъ уставился на дверь и зловѣще прошепталъ:

— Нѣмцы. Ясно слышалъ бомбардировку двадцатидюймовыхъ. Маркизь, вы слышали?

Но Маркизь промычалъ что-то неразбѣльное и повернулся на другой бокъ.

Услышавъ шорохъ, хозяйка забарабанила съ удвоенной энергіей.

— Вотъ послалъ Господь наказаніе! — завопилъ тонкій голосъ. — Честные люди давно на работѣ, а эти ахтерщики дрыхнуть себѣ безъ стыда и совѣсти.

— А-а, промычалъ комикъ. — Хозяйка дома сего. — И, соскочивъ съ кровати, подошелъ къ дверямъ.

— Что вамъ надо, донна Инезилья, въ такой ранній часъ восхода солнца?

— Говорить надо, вотъ что! Открывайте.

— Не могу прекрасная. Я въ костюмѣ Айседоры Дунканъ и, щадя вашу невинность, не могу себѣ позволить такой безумный поступокъ.

— Не поясничайте. Знаю я васъ. Опять въ окно улизнете, а о деньгахъ ни слова. Шаромыжники!

Зауральскій поморщился.

— Вы не выражайтесь, — басомъ пустилъ онъ. — Ваши деньги лежатъ крѣпче, чѣмъ въ государственномъ банкѣ, прекраснѣйшая.

— За два мѣсяца не плочено! Къ приставу пойду, — завизжалъ за дверью озлобленный голосъ.

— Хоть къ оберъ-генераль-полицеймейстеру! — раскатился громомъ Зауральскій.

— Что ты меня пугаешь, неразумная дѣва, глупостями. Вечеромъ тебѣ будутъ брошены твои презрѣнные деньги, а сейчасъ убирайся къ чорту.

За дверями раздался шорохъ, зашлепали туфли и, что-то сердито ворча, удалилась тяжелая, грузная фигура.

Когда Зауральскій повернулся, онъ увидѣлъ любовника уже сидящимъ на кровати.

— Удивительная гнусность, — встрѣтилъ онъ взглядъ Зауральскаго, — человекъ спитъ, а вы рычите,

какъ голодный левъ. А еще говорите и спорите объ уваженіи личности.

— Вы меня поцѣловать должны, любезнѣйшій, а не ругаться. Я приступить выдержалъ, а вы ругаетесь. Проклятая хозяйка...

— Опять? — капризнымъ голосомъ протянулъ Клодевилъ.

— Не опять, а уже два мѣсяца, какъ не платимъ. И уходить изъ квартиры черезъ окно тоже не особенно приличествуетъ достоинству извѣстныхъ артистовъ.

— Чортова баба. На Лысой горѣ она была бы главной вѣдьмой... Пропаль теперь сонъ. — Любовникъ всталъ, потянулся, пошарилъ на днѣ коробки съ табаккомъ, собралъ какую-то желтую пыль и всыпалъ въ гильзу.

Черезъ десять минутъ оба пріятеля, одѣтые въ элегантные костюмы, съ изумительными складками на брюкахъ, что достигалось тѣмъ, что они всю ночь лежали аккуратно сложенные подъ матрасомъ, открыли окно, внимательно осмотрѣли тихую, грязную улицу заху-

Въ день взятія Перемишля. Первая русская надпись.

Смѣшанный отрядъ англичанъ выбиваетъ нѣмцевъ изъ занятаго ими городка въ Сѣверной Франціи.

далаго Недоперска и одинъ за другимъ выпрыгнули на улицу.

Въ театрѣ еще никого не было. На сценѣ пахло пылью и еще чѣмъ-то. На шумъ шаговъ приходшихъ, съ продыравленнаго дивана въ стилѣ Людовика XIV, поднялась всклокоченная фигура бутафора и хриплымъ голосомъ спросила:

— Который часъ? Репетиція, что ли?

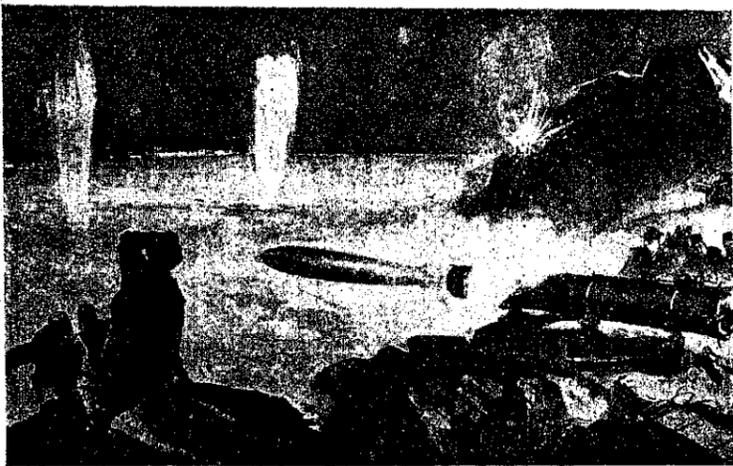
— Какая репетиція. Удрали отъ непріятеля — квартирной хозяйки. Нѣтъ ли у тебя чаю лучше, Пахомычъ?

— Чаю?.. Сомнительно. — Онъ всталъ, отхаркался и отплевался во всѣ стороны и пошелъ въ режиссерскую.

Черезъ минуту на скривившейся спиртовкѣ грѣлась вода и маленькій, худой Клодевилъ весело потиралъ руки.

— Чай прекрасный напитокъ, особенно съ ромомъ. Но въ виду запрещенія, можно и безъ. Пахомычъ, вы магъ и волшебникъ!

Черезъ полчаса, два актера, беззаботно веселые, гордо шли по главной улицѣ, привычнымъ беззаастѣнчивымъ взглядомъ окидывая встрѣчающихся женщинъ и тѣ, узнавая ихъ, отвѣчали глазами.

Минометы въ Дарданеллахъ.

Въ часъ дня на сценѣ собралась вся группа. Пришелъ антрепренеръ, маленькій толстенькій человѣкъ съ багроваго цвѣта лицомъ.

— Господа, — началъ онъ теноркомъ, боязливо, поглядывая на богатырскую фигуру трагика Вавилонскаго. — Господа, вы понимаете, я не сомнѣваюсь какое положеніе... Сборовъ нѣтъ, наши войска покидаютъ городъ и, скажу вамъ подъ строжайшимъ секретомъ, это никто не знаетъ, только для васъ, я узналъ, что въ случаѣ чего, по тактическимъ и стратегическимъ соображеніямъ... — тутъ онъ слегка поперхнулся. — Да, господа, рѣшено, въ случаѣ наступленія нѣмцевъ, сдать городъ безъ боя.

— Здѣсь? Нѣмцы? — всплеснула руками маленькая инженерю.

— Мы имъ покажемъ, — пробасилъ неуклюжий комикъ и сердито заворочалъ глазами, съ остатками грима вокругъ.

— Я боюсь, — нервнымъ, надтреснутымъ голосомъ начала примадонна. — Необходимо немедленно уѣзжать, сейчасъ же. Необходимо получить сейчасъ же. деньги.

Антрепренеръ съежился, почему-то застегнулъ пиджакъ на всѣ пуговицы и значительно кашлянулъ.

— Уѣзжать немедленно, — загудѣли голоса. Дайте за полмѣсяца и кончено дѣло.

— Что я буду дѣлать, что я буду дѣлать, — театрально заломили руки уже сильно постарѣвшая героиня. — Ребенокъ... — долги... Я не выѣду. Господа, товарищи... — Она блуждала безпомощнымъ взглядомъ по лицамъ актеровъ, но они были взволнованы и каждый думалъ о себѣ.

— Господа, — покашливая, тихо сказалъ антрепренеръ. — Дѣло въ томъ, что я не могу... не могу вамъ заплатить, потому что денегъ у меня нѣтъ!

— Нѣтъ? — завопилъ Вавилонскій. — Вотъ какъ? А залогъ?

— Залогъ я уже взялъ пять дней тому назадъ. Мнѣ его выдали, въ виду исключительнаго положенія. Я его истратилъ, погасилъ долги и...

— Врешь! — громыхаль трагикъ. — Когда я служилъ у тебя въ Загорянскѣ ты тоже удралъ такую же штуку. Тамъ нѣмцевъ не было, но за то... Убью подлеца!

Затрещалъ стулъ. Высокимъ звукомъ пронзилъ воздухъ темной залы истерическій крикъ героини. Двое схватили Вавилонскаго за руки.

— Разбой, — кричалъ антрепренеръ, пятясь къ двери. — Я какъ честный человѣкъ пришелъ говорить, а на меня покушеніе.

— Держите меня, — рвался трагикъ. — Я разможу ему голову.

— А дѣло провансаль, щелкнулъ пальцами. Зауральскій и хлопнулъ Клодевиля по плечу. — Придется по образу пѣшаго хожденія. Что братъ?

Маркизь криво ухмыльнулся и процѣдилъ сквозь зубы:

— Я выше этого. Нѣмцы, такъ нѣмцы, турки, такъ турки...

— Измѣнникъ. Тебя убьютъ здѣсь.

— Я буду пѣть куплеты, вотъ и все.

Труппа разбилась на кучки. Подсчитывали наличность, дѣлились. Рѣшили идти къ полицеймейстеру, къ городскому головѣ, намѣчали депутатовъ.

Маленькій городокъ быстро мѣнялъ свою физиономію. Уѣхала почта, чиновники. Ровно, не торопясь, проходили войска.

Акторовъ вездѣ встрѣтили сухо и непривѣтливо.

— Не до васъ, сейчасъ, господа. Надо приготовиться къ худшему. Ужъ вы какъ-нибудь сами устройтесь.

— Помилуйте, — взмолился на городского голову комикъ. — Степанъ Ивановичъ! Неужели ничего нельзя? Помните, какіе я вамъ анекдоты въ ресторанѣ рассказывалъ? Степанъ Ивановичъ, неужели нѣтъ суммъ, — заискивающе уже шепталъ онъ.

Городской голова махнулъ рукой и побѣжалъ въ канцелярію.

Вечеромъ, на улицѣ показался прускій разъѣздъ.

За нимъ проскакалъ второй.

Пошла густымъ потокомъ пѣхота. Грязная, запыленная, длинной лентой, вливалась она въ улицы, заполняя площади, дворы, дома и церкви.

Закрылись ставнями окна. Погасли огни. Глухо протрещали вдали ружейныя выстрѣлы, потомъ все замолкло.

Зауральскій и Клодевилъ быстрыми шагами пробирались къ своему дому. Героиня уѣхала съ купцомъ. Ушелъ комикъ съ женой, уцѣпившись за военный обозъ. Куда, онъ плохо понималъ и самъ.

— Wohin? — раздался громкій окрикъ патруля и передъ Зауральскимъ блеснула штыкъ ружья.

— Туда домой, Nach Hause...

— Zurück.

— Долженъ же я домой, — заоралъ Клодевилъ, размахивая руками, но хорошій тумакъ заставилъ его замолчать.

— Идемъ въ театръ. Тутъ недалеко.

Свернувъ въ переулочекъ, они подошли къ театру со стороны сцены.

Никто не остановилъ ихъ.

Маленькая дверь въ уборную была открыта и привычные, оба быстро вбѣжали въ темнотѣ по узкой, скрипучей лѣстницѣ и очутились на сценѣ. Зауральскій дернулъ желѣзную дверь и отшатнулся. Гулъ голосовъ оглушилъ его. Въ слабо освѣщенномъ залѣ копошились сотни сѣрыхъ людей, сдвигали въ горы стулья, разбрасывали солому. На сценѣ съ комфортомъ устроилась компанія офицеровъ. На столѣ стояли бутылки и закуски и, взобравшись на тронъ царя Менелая, съ стаканомъ въ рукахъ, молодой, сильно пьяный офицеръ, напѣвалъ охрипшимъ голосомъ шансонетку. На диванѣ, прижатая въ уголъ грузнымъ капитаномъ, съ багровымъ лицомъ, сидѣла хрупкая Манюрочка, маленькая инженерки

Русскій отрядъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ проходя мимо св. Распятія.

и смотрѣла испуганными большими глазами на вошедшихъ.

— Donnerwetter! Wass ist noch . . . ? — заревѣлъ капитанъ, накидываясь на актеровъ.

— Кто ви тькой? — подскочилъ бѣлокурый молодой офицеръ, съ лихо закругленными усами. — Какъ попалъ?

— Мы актеры здѣшной труппы... Мы не знали... насъ не пустили домой и мы пришли... — путалъ Зауральскій.

— Хах-а-ха! Актеръ.

И офицеръ, сверкая крупными бѣлыми зубами, что-то со смѣхомъ началъ рассказывать товарищамъ.

— Вы умѣете пѣть, дѣлать музыкъ? Мы желаемъ дѣлать маленькій концертъ. Ми понимайте музыкъ. Ну? И въ голосѣ прозвучала угроза и приказаніе.

— Дѣлайте намъ дивертиссементъ, варьетэ. Вотъ и вамъ актрисъ. Русски свинья. Ну, живѣй.

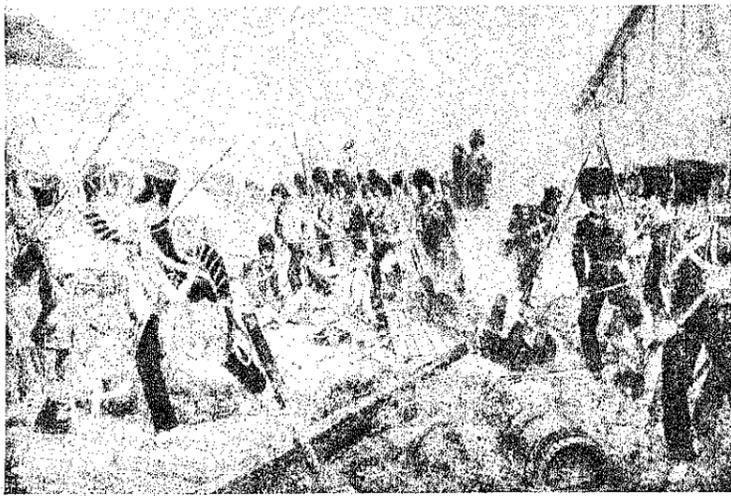
Клодевилъ подошелъ къ піанино. Блѣдная, дрожащая Манюрочка встала рядомъ съ Зауральскимъ.

Зазвенѣли стаканы. Мутные, пьяные глаза уставились на трехъ прижавшихся къ инструменту людей.

— Пѣвайте скорѣй, — кричалъ молоденькій офицеръ, видимо рисуясь передъ другими знаніемъ русскаго языка.

Зауральскій взглянулъ на маленькаго, блѣднаго маркиза и они поняли другъ друга безъ словъ.

Клодевилъ взялъ аккордъ, могучій и полный, какой нельзя было ожидать отъ его слабой и хилой фигурки

1813 годъ. Эпизоды битвы подъ Лейпцигомъ.

и торжественнымъ потокомъ полились полные гордостью и мощи звуки русскаго гимна.

Офицеры на мгновение замолкли. Кто-то что-то коротко крикнулъ. Звякнуло стекло и пустая бутылка вдребезги разбилась о голову маркиза.

— Подлецы! — какъ во снѣ, слышалъ онъ крикъ Зауральскаго, заслонявшаго своимъ тѣломъ Манюрочку. Свистнула шашка.

Покраснѣли отъ крови бѣлая клавиши и глухо прозвучали подъ грузно опустившимся на нихъ маркисомъ.

Б. Гейеръ.

Это было въ весеннее утро за сто сорокъ шесть лѣтъ до Р. X.

Насколько хваталъ глазъ—Средиземное море тянулось синее, ясное, и только узкая снѣжно-бѣлая полоска прибоя бѣжала по его краю.

На всемъ его громадномъ пространствѣ не видѣлось ничего, кромѣ одинокой галеры, медленно шедшей отъ Сициліи къ отдаленной гавани Карфагена.

Издали она казалась наряднымъ и красивымъ темно-краснымъ судномъ, съ двойнымъ рядомъ пурпуровыхъ веселъ, съ большимъ колыхающимся парусомъ, окрашеннымъ пурпуромъ, съ блестящими мѣдными украшениями на укрѣпленныхъ бортахъ.

Бронзовый трезубецъ выдавался спереди; на кормѣ блистало золотое изображеніе Ваала, божества финикійцевъ, сыновъ Ханаана.

На единственной высокой мачтѣ развѣвался карфагенскій флагъ съ тигровыми полосами.

Но посмотрите на нее вблизи.

Что за темныя полосы оскверняютъ ея бѣлую палубу, покрываютъ ея бронзовые щиты?

Почему длинныя весла двигаются безъ ритма, неправильно, судорожно?

Почему въ нѣкоторыхъ изъ весельныхъ отверстій ихъ не хватаетъ?

Почему одни изъ нихъ покрыты зазубринами, а другія тянутся сбоку?

По всему видно, что это судно перенесло какое-то жестокое испытаніе, пережило день ужасовъ, который оставилъ на немъ тяжелые слѣды.

Теперь взойдите на корабль и присмотритесь къ людямъ, наполняющимъ галеру.

На ней двѣ палубы, спереди и сзади, въ открытой средней части судна помѣщаются двойныя скамьи, вверху и внизу гребцы, сидя по двое на каждомъ веслѣ, сгибаются и, безконечно работая, толкаютъ ихъ.

Въ серединѣ узкій помостъ; по нему расхаживаютъ сторожа съ бичами въ рукахъ и эти бичи жестоко разсѣкаютъ кожу раба, который останавливается, хотя бы на одно мгновение, хотя бы для того, чтобы стереть потъ со своего покрытаго каплями лба.

А рабы?

Посмотрите на нихъ!

Тутъ плѣнные римляне, сицилійцы, много черныхъ ливійцевъ; всѣ они совершенно истощены; ихъ тяжелыя вѣки опустились на глаза, ихъ губы стали толсты отъ запекшихся черныхъ корочекъ и порозовѣли отъ кровавой пѣны; ихъ руки и спины двигаются безсознательно подъ хриплый крикъ надсмотрщика.

Но не отъ грубыхъ побоевъ пролилась кровь, которая окрашиваетъ сидѣнья и соленую воду подъ ихъ святыми ногами.

Большія зіяющія раны, слѣды разрѣзовъ мечей и уколовъ копій, рдѣютъ на ихъ обнаженныхъ грудяхъ, на плечахъ; многіе изъ гребцовъ лежатъ безъ чувствъ грудой подъ скамьями и уже не заботятся о бичахъ, которые все еще свистятъ надъ ними.

Экипажъ былъ не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ рабы.

Раненые и умирающіе усѣивали палубу. Лишь горсть людей держалась на ногахъ.

Большинство же безъ силъ лежало на передней палубѣ, и только немногіе самые усердные воины правляли испорченныя кольчуги, натягивали новыя тетивы на луки или очищали палубу отъ слѣдовъ битвы.

На возвышенномъ помостѣ, у основанія мачты, стоялъ кормчій, правя галерой.

На задней палубѣ собралось нѣсколько офицеровъ; они молча раздумывали о чемъ-то, время отъ времени поглядывая на двухъ людей, стоявшихъ отдѣльно и погруженныхъ въ разговоръ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ, высокій, смуглый, мускулистый человекъ, съ семитическимъ лицомъ былъ Магро, знаменитый карфагенскій военачальникъ, имя котораго наводило ужасъ на всѣ берега Средиземнаго моря; другой—Гиско, сѣдобородый, загорѣлый старикъ съ отпечаткомъ непобѣдимаго мужества и энергии въ каждой чертѣ своего орлинаго лица, политикъ и вождь той партіи государства, которая среди себялюбия и лѣнности, царившихъ въ карфагенскомъ обществѣ, стремилась поднять духъ гражданъ и заставить ихъ сознать опасность, прозившую имъ со стороны Рима.

Разговаривая, они оба серьезно и тревожно поглядывали на сѣверный горизонтъ.

— Ясно,—сказал старший, печальным голосом и с мрачным лицом,— ясно, что кроме нас не спаслось никого.

— Я не покидал разгара битвы, пока мне казалось, что я могу помочь хоть одной галере,—отвѣтил Магро.— Ты видѣлъ, мы ушли, точно волкъ, за которымъ съ обѣихъ сторонъ гонится по собакамъ. Если бы освободилась хотя бы еще одна галера, она, конечно, теперь была бы съ нами, потому что для нашихъ судовъ нѣтъ другого безопаснаго пріюта, кроме Каррагена.

Младший воин пристально посмотрѣлъ на отдаленный мысъ, гдѣ былъ его родной городъ. Уже виднѣлся низкій покрытый деревьями холмъ, усѣянный бѣлыми загородными домами богатыхъ финикійскихъ купцовъ.

— Со сторожевыхъ башенъ насъ уже могутъ видѣть,—замѣтил онъ.— Еще издали они узнаютъ галеру Чернаго Магро. Но кто изъ нихъ угадаетъ, что изъ всего прекраснаго флота, который подъ трубный звукъ и барабанный бой вышелъ изъ гавани мѣсяць тому назадъ, остались мы одни?..

Патрицій горько улыбнулся.

— Въ той части Оловяныхъ острововъ, которая выдается въ море, жила мудрая женщина — вѣдунья; я отъ нея слышалъ много прорицаній, и всѣ они сбывались. Она ясно предсказала мнѣ паденіе нашей родины и даже битву, послѣ которой мы теперь возвращаемся. Много страннаго видѣлъ я у дикарей, живущихъ на западѣ острова Олова (Великобританіи).

— Что же сказала она о Римѣ?

— Что онъ падетъ, падетъ, какъ мы, ослабленный своимъ богатствомъ и своими партіями.

Гиско потеръ руки.

— Это дѣлаетъ наше паденіе менѣе горькимъ,—сказалъ онъ.— Но если мы уже пали, а Римъ тоже погибнетъ, какая страна, въ свою очередь, можетъ надеяться сдѣлаться владычицей водъ?

— Объ этомъ я тоже спросилъ ее, Магро,— и подарилъ ей мой тирскій поясъ съ золотой застежкой въ награду за отвѣтъ. Но, право, я слишкомъ дорого заплатилъ ей за ея сказку, которая, конечно, должна оказаться ложью, хотя все остальное сбывалось. Она говоритъ, что въ будущіе дни ея страна, этотъ опоясанный туманомъ островъ, гдѣ раскрашенные дикари едва умѣютъ перебираться отъ мыса до мыса на рыбачьихъ челнахъ, подниметъ трезубецъ, упавшій изъ рукъ Каррагена и Рима!

Улыбка, порхавшая надъ острыми чертами патриціа, внезапно замерла, его пальцы сжали руку собесѣдника. Тотъ окаменѣлъ; его шея вытянулась, его ястребиные глаза устремились къ сѣверному горизонту.

Тамъ, на прямой синей линіи виднѣлись два перерыва — двѣ низкія черныя точки.

— Галеры! — прошепталъ Гиско.

— Клянусь духомъ Ваала, — сказалъ черный Магро, — я не повѣрилъ бы, что кто-нибудь можетъ вырваться изъ такого страшнаго кольца! Если мы задержимъ ходъ галеры, они догонятъ насъ раньше, чѣмъ обогнетъ моль гавани!

Поврежденное судно пошло медленнѣе; два вновь появившіеся корабли стали скользить скорѣе. Всего въ

1813 годъ. Эпизоды битвы подъ Лейпцигомъ.

нѣсколькихъ миляхъ лежалъ зеленый мысъ и бѣлые дома, окаймлявшіе большой африканскій городъ.

На материкѣ уже вырисовалась темная группа ожидающихъ горожанъ.

Гиско и Магро все еще наблюдали прищуренными глазами за приближавшимися галерами; вдругъ кормчій, сверкая зубами и съ пылающимъ взглядомъ ворвался на корму, протягивая свою длинную руку къ сѣверу.

— Римляне, — закричалъ онъ, — римляне!

— Клянусь рогами алтаря божества, кажется, онъ правъ! — вскрикнулъ старый Гиско. — Смотри, какъ они, точно, соколы, налетаютъ на насъ. У нихъ много людей и всѣ весла.

— Итакъ, имъ досадно, что ушла одна галера, — съ горькимъ смѣхомъ сказалъ Магро. — По ихъ мнѣнію, ни одно судно не должно вернуться къ старой матери моря! Прекрасно, лично я согласенъ. Я считаю, что лучше всего остановить галеру и ждать ихъ.

— Эта мысль истиннаго мужа, — отвѣтилъ старый Гиско, — но мы скорѣе понадобится нашему городу. Какой выгоды добьемся мы, сдѣлавъ побѣду римлянъ полной? Нѣтъ, Магро, пусть рабы гребутъ такъ, какъ они еще никогда не гребли раньше, не ради нашего спасенія, а для пользы государства.

Большой красный корабль двинулся впередъ, покачиваясь, точно усталый задыхающійся конь, который ищетъ спасенія отъ преслѣдователей: между тѣмъ все быстрѣе летѣли, все ближе пододвигались двѣ стройныя, галеры, шедшія съ сѣвера.

Утреннее солнце уже освѣщало ряды низкихъ римскихъ шлемовъ надъ бортами, уже сіяло въ серебряной волнѣ, которую острые носы судовъ бросали на тихую синюю воду.

Съ каждымъ мгновеніемъ галеры подходили все ближе, и продолжительный, высокій вопль римскихъ трубъ все громче отдавался въ ушахъ каррагенянъ.

На высокомъ утесѣ Мегара столпилось множество горожанъ, они прибѣжали изъ города, услышавъ, что показались галеры.

Теперь всѣ, богатые и бѣдные, стояли и, затаивъ

ПОДВОДНЫЙ ПИРАТЪ: — Какая странная подозрительная труба, в которую американецъ наблюдаетъ за моими подвигами.

дыханіе, смотрѣли на зрѣлице, открывшееся передъ ними.

Римляне приближались съ такой быстротой, что могли отрѣзать отъ берега карфагенскую галеру на глазахъ горожанъ, и никто изъ толпы не былъ въ силахъ поднять руку въ защиту своего корабля.

Многіе плакали отъ безпомощнаго горя, нѣкоторые сыпали проклятіями, блистая глазами и сжимая кулаки...

Эта разбитая, ползущая галера говорила, что флотъ Карфагена погибъ.

Между тѣмъ послѣдній морской бой Карфагена быстро подходилъ къ концу.

На глазахъ горожанъ двѣ быстрыя римскія галеры вынеслись впередъ по обѣимъ сторонамъ судна Чернаго Магро, и вступили съ нимъ въ схватку.

Въ ужасную минуту красная галера забросила искривленные лапы своихъ крюковъ на борта непріятельскихъ судовъ, привлекла ихъ къ себѣ въ желѣзномъ объятіи, и ея солдаты стали молотами и кирками пробивать громадныя отверстія въ подводныхъ частяхъ Карфагенскаго корабля.

Послѣднюю галеру не отведутъ въ Остію на радость торжествующаго Рима!

Она останется въ своихъ собственныхъ водахъ.

И дикая мрачная душа ея морского разбойничьяго капитана загорѣлась при мысли, что его галера не одна погрузится въ глубину роднаго моря...

Римляне слишкомъ поздно поняли человѣка, съ которымъ имѣли дѣло.

Солдаты, наводнившіе пуническія палубы, почувствовали, что дощатый помостъ подается и качается подъ ихъ ногами.

Они кинулись къ своимъ судамъ, — но галера Чернаго Магро не отпустила ихъ, увлекала вмѣстѣ съ собой, и они попружались, сильно сжатые крючкова-тыми когтями.

Палуба судна Магро покрыта водой и тянетъ связанная съ нимъ желѣзными узами галеры; одинъ укрѣпленный бортъ лежитъ на волнахъ, другой высоко вздымается въ воздухѣ.

Безумно силятся римляне сбросить смертельныя объятія желѣзныхъ когтей.

Теперь красная галера уже подъ водой, и все скорѣе, все съ большей силой увлекаетъ вслѣдъ за собой своихъ враговъ...

Раздирающій трескъ: деревянный бокъ оторванъ отъ одной изъ римскихъ галеръ, и, изуродованная, расчлененная, она опускается и, какъ безпомощная вещь, лежитъ на водѣ.

Только послѣдній желтый отблескъ на синихъ волнахъ показываетъ, куда была увлечена ея спутница, гдѣ она погибла въ смертельныхъ объятіяхъ врага...

ВИДѢНІЯ.

Заснуть спокойно невозможно
Во дни великіе войны,
И такъ болѣзненно-тревожны
Мои мистическіе сны:

Тревожнымъ мракомъ душитъ ночь
И длинно тянутся минуты;
И чей-то стонъ зоветъ помочь,
И раны обвязать кому-то...

Я слышу вдовье причитанье
У свѣжихъ дорогихъ могилъ,
И тяжело мнѣ испытанье,
Но имъ помочь не вижу силъ.

Вотъ братъ подходитъ къ изголовью,
И, грозно саблею звеня,
Съ собою въ даль зоветъ меня
Отмстить за кровь горячей кровью...

Я слабъ... но скорбію пронженный
Я съ ложа грѣшнаго встаю,
И въ тѣмъ колѣно-преклоненный
Молюсь за родину мою.

Михаилъ Андреевъ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ ВЪ ЛИЦАХЪ.

I.

«Маль золотникъ да дорогъ».

II.

«Семеро одного не ждутъ».

III.

«Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ».

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Нынче день начался грустною при-
мѣтой—
Въ дѣтской изъ божницы выпала икон-
ка...
Предразсудки?.. — Правда.. только въ
сердце тонко
Заползла тревога... Я боюсь газеты,
Свѣтлыхъ жертвъ войны, холодныхъ
ровныхъ списковъ,
Отчего въ нихъ нѣту жалобъ, слезъ и
крика?
Оттого-ль, что горе слишкомъ ужъ
велико,
Оттого-ль, что счастье слишкомъ уже
близко?..
Жутко прикасаться къ нимъ пытливымъ
взглядомъ,
Словно къ незнакомымъ снимкамъ дач-
ной группы,
Трепеща, увидѣть на полянкѣ рядомъ
Кровь и очертанья дорогого трупца..
Чай совсѣмъ холодный... У окна пы-
линки,
Всплугнутая солнцемъ, сѣрый толь со-
ткали..
Вотъ звонокъ заплакалъ, словно сире-
тинка,
И шаги въ передней тихо зашуршали..
Дымъ въ глазахъ;—вѣдь, кто-то шеп-
четъ—«телеграмма»..
Боже, отчего поставленъ штемпель—
«Вильно»?..
Разорвала.. въ сердцѣ нарастаетъ гамма
Страхъ и надежды.. сердце бьется силь-
но...

— «Раненъ. Въ лазаретъ»... Смятый
грозной битвой,
Можетъ онъ калѣка... можетъ, сонъ мой
былъ?
Пусть!.. Я со слезами съ радостной мо-
литвой
Поцѣлую твердый, дорогой костыль..
Сергѣй Михѣевъ.

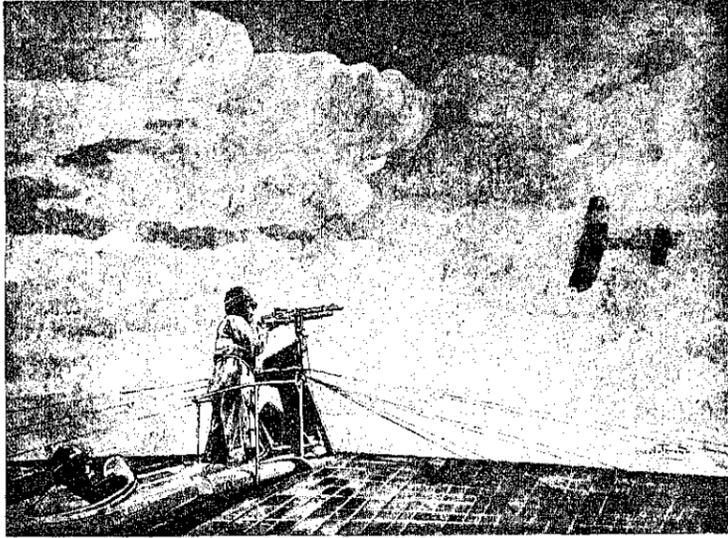
Юморъ въ окопахъ.

А. Масанновъ рассказываетъ, что въ
окопахъ часто выпускаются рукописные
листки-газеты.
Такъ въ одномъ изъ листковъ встрѣ-
чаемъ слѣдующую замѣтку.
Встрѣча нашего глубокоуважаемаго
руководителя отряда не подается ни-
какому канцелярскому описанію. Во
всѣхъ церквахъ звонили въ колокола.
Къ сожалѣнію, за дальностью разстоя-
нія, звонъ не былъ слышенъ. Кричали
женщины ура и въ воздухъ чепчики
бросали. И въ довершеніе всего—наши
и нѣмецкія батареи въ честь почетнаго
гостя произвели 29½ залповъ.
Сопровождаемый радостными крика-
ми десятитысячной толпы, П. П. отбылъ
въ ландоллетъ защитнаго цвѣта на парѣ
чистокровныхъ буланыхъ арабскихъ ло-
шадей, вывезенныхъ изъ Вятки. Оста-
новился онъ въ апартаментхъ гости-
ницы «Халуца».
Далѣе идутъ статьи злободневно-
утилитарнаго характера.
«О вліяніи луннаго свѣта на раз-
веденіе домашнихъ животныхъ на по-

зиціяхъ». Это тѣ животныя, противъ
которыхъ употребляется порошокъ «Ара-
гацъ».
Или — «О предохранительной мази
отъ пуль».
Или интервью:
«Объ ограниченіи нѣмецкаго земле-
владѣнія за Бзурой и Равкой». Мнѣнія
авторитетныхъ санитаровъ Дудкина и
Цѣпкова.
Наконецъ, послѣдній листъ пестритъ
объявленіями.
Они уморительны.
«Сбѣжала пара рентгеновскихъ лу-
чей! Нашедшему будетъ дано прилич-
ное вознагражденіе».
«Громадный выборъ чемодановъ!
Легки и портативны! Made in germany!
Почти даромъ! Обращаться въ генераль-
ное агентство по отливкѣ разрывныхъ
пуль за Бзурой»..

О ВОЙНѢ.

Редакторъ «Figaro», Альфредъ Капосъ:
Война? Это слово никого не можетъ
испугать въ нашей странѣ. Мы готовы
перенести всѣ ея ужасы.
Миръ является самымъ сильнымъ
желаніемъ каждаго культурнаго чело-
вѣка; миръ, во имя котораго сейчасъ
приносятся всѣ эти жертвы, вотъ чего
мы жаждемъ. Поэтому мы съ покор-
ностью перенесемъ всѣ бѣдствія войны
и сердца наши бьются за нашу родину,
обогренную кровью.
Альфредъ Капосъ.

Английский летчик охотится за германским «Таубе».

Архивные доскутки.

Исторический анекдотъ.

Въ Польшѣ вспоминаютъ сейчасъ, въ связи съ недавнимъ вторженіемъ нѣмцевъ, анекдоты прошлыхъ войнъ,—сопоставляя дѣйствія Фридриха Великаго съ поступками Вильгельма II-го. Въ 1771 году, Фридрихъ Великій приказалъ доставить изъ Силезіи 7 тыс. польскихъ двѣшекъ отъ 12 до 20 фунтъ съ приданнымъ (каждая должна была имѣть по 1 коровѣ, по 2 свиньи, 1 пуховикъ, 3 подушки и три дуката деньгами). Собранныя такимъ образомъ польки съ приданнымъ были препровождены въ Померанію и тамъ обвѣнчаны съ нѣмцами, потому что... приростъ населенія сталъ бы уменьшаться.

Дѣянія достойныя короля Зулусскаго или—Вильгельма II-го.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ АНГЛИЙСКАГО ФЕЛЬДМАРШАЛА.

Английскій фельдмаршалъ Уольслей, скончавшійся въ 1906 г., оставилъ послѣ себя два тома мемуаровъ, озаглавленныхъ «Исторія жизни солдата» и по справедливости могущихъ быть причисленными къ разряду наиболѣе интересныхъ сочиненій такого рода.

По этимъ мемуарамъ покойный фельдмаршалъ рисуется читателю не только, какъ истинный воинъ и военачальникъ по призванію, но, и какъ умный, вдумчивый человекъ и самостоятельный мыслитель.

Онъ обладалъ также даромъ живого, занимательнаго повѣствованія и въ его запискахъ встрѣчается немало слѣдовъ истинно-ирландскаго юмора.

Для насъ, русскихъ, часть воспоминаній англійскаго фельдмаршала, посвященная крымской кампаніи, представляется, конечно, наибольшій интересъ. Присущій ему юморъ неоднократно сказывается и въ многихъ мастерскихъ описаніяхъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни осажденной арміи подъ Севастополемъ. Очень любопытенъ, напримѣръ, рассказъ о рождественскомъ плумпудингѣ, который пришлось ѣсть Уольслею въ тяжелыхъ условіяхъ этой кампаніи.

Приближались рождественскіе праздники. — Пишетъ въ своихъ мемуарахъ фельдмаршалъ:—и всѣ только и помышляли о томъ, какъ бы приготовить себѣ на Рождество плумпудингъ и, вообще, устроить въ этотъ день обѣдъ получше обыкновеннаго. Я съ однимъ моимъ товарищемъ—лейтенантомъ, купилъ себѣ въ Балаклавѣ коробку винныхъ ягодъ и нѣсколько фунтовъ прогорклаго почечнаго сала. Ни изюма, ни коринки достать было нельзя, не удалось раздобыть и

хорошей муки. Мы рѣшили, что мелко нартѣзанная винная ягода могутъ отлично изображать собою изюмъ, а натертые сухари замѣнятъ намъ муку. Русское пушечное ядро и крупный осколокъ разорвавшейся гранаты можно было пустить въ ходъ вмѣсто ступки и пестика и съ ихъ помощью размолоть наши морскіе сухари. Я и тогда былъ, да и послѣ остался очень плохимъ поваромъ, но намъ ужъ очень хотѣлось устроить себѣ приличный обѣдъ, да и солонина, которою мы все время питались, опротивѣла до нѣльзя. Поэтому мы постарались все-таки приготовить себѣ изъ всего матеріала, о которомъ я говорилъ, нѣкоторое кушанье, которое выглядело, впрочемъ, далеко не аппетитно. Послѣ часовой работы передъ нами, однако, всталъ вопросъ: а какъ же наконецъ нужно спечь намъ плумпудингъ. Ни одинъ изъ насъ не имѣлъ объ этомъ и понятія. Мы прибѣгли тогда къ помощи нашего стараго фельдфебеля, и онъ, сжалившись надъ нашимъ невѣжествомъ, объяснилъ, что пудингъ надо печь нѣсколько часовъ подрядъ, и рассказалъ, какъ пудинговая форма обвязывается въ салфетку прежде, чѣмъ его ставить въ печь. Я пожертвовалъ для этой надобности однимъ изъ своихъ носовыхъ платковъ, и мы оба вздохнули съ облегченіемъ, когда, наконецъ, горшокъ, заключавшій въ себѣ произведеніе нашихъ рукъ, былъ поставленъ на огонь. Я вернулся въ палатку, радуясь мысли о предстоящемъ намъ вкусномъ обѣдѣ и возможности спокойно провести ночь въ постели, такъ какъ наша рота только на слѣдующее утро должна была идти въ траншеи. Но около трехъ часовъ пополудни мнѣ принесли при-

казъ, изъ котораго я узналъ, что насъ неожиданно, сегодня же вечеромъ, отправляютъ на позиціи. Что же было теперь дѣлать съ пудингомъ. Послѣ долгихъ препирательствъ намъ пришлось проглотить весь нашъ обѣдъ включительно съ плумпудингомъ на скорую руку, торопясь, какъ бы не опоздать на мѣсто къ назначенному часу. Плумпудингъ былъ еще совсѣмъ не готовъ и такъ жестокъ, что его едва можно было жевать, и я поѣлъ его очень немного. Въ траншеяхъ никакого серьезнаго дѣла для насъ не оказалось и до поздняго вечера время прошло совсѣмъ спокойно, безъ малѣйшей перестрѣлки. Около десяти часовъ я сталъ чувствовать себя скверно, и скоро у меня начались сильнѣйшія боли въ животѣ. Я чувствовалъ, какъ каждый кусокъ проклятаго плумпудинга, что я съѣлъ днемъ, ворочался у меня въ желудкѣ и сверлилъ мнѣ внутренности, какъ будто я проглотилъ цѣлый зарядъ картечи. Это была отчаянная боль, сопровождавшаяся тошнотой и рвотой. Мой другъ докторъ Джексонъ, находившійся вмѣстѣ съ нами, ничѣмъ не могъ помочь мнѣ, такъ какъ у него не оказалось подъ рукой ни водки, ни другого подходящаго средства. Нѣкоторое время я терпѣлъ свои страданія, но, наконецъ, пришлось уходить въ лагерь съ тѣмъ, чтобы лечь въ постель. Докторъ Джексонъ вызвался проводить меня, такъ какъ на позиціяхъ онъ никому не былъ нуженъ. Мы пошли съ нимъ вдвоемъ—я, едва передвигая ноги отъ боли. Примѣрно черезъ четверть часа хода мое недомоганіе, вдругъ, прошло,—и опять почувствовалъ себя здоровымъ и выразилъ желаніе вернуться въ траншеи. Докторъ убѣждалъ меня не дѣлать этого, даже говорилъ, что онъ не можетъ безъ меня дойти до лагеря, ибо у него нѣтъ никакого оружія для защиты, даже на случай встрѣчи съ бродячими собаками, кромѣ пустой бутылки изъ-подъ сельтерской воды. Но я былъ непреклоненъ, и доктору съ величайшимъ неудовольствіемъ

пришлось идти за мной обратно на позиции, где я через четверть часа и присоединился к своей ротѣ.

Конечно, подъ Севастополем далеко не всѣ приключенія оканчивались такъ благополучно, какъ описанная выше исторія съ рождественскимъ плумпудингомъ. Молодой Уольслэй былъ прикомандированъ во время осады къ инженернымъ войскамъ и ему пришлось лично работать въ дѣлѣ сооруженія траншей и иныхъ укрѣпленій. На этихъ работахъ онъ опять получилъ очень серьезныя пораненія. Впечатлѣнія тяжело-раненаго человѣка переданы въ его мемуарахъ съ литературнымъ мастерствомъ. Это описаніе является также характернымъ образцомъ манеры изложенія Уольслэя, никогда не чуждой юмора.

— Однажды утромъ,—разсказываетъ Уольслэй: — я находился на позиціяхъ, получивъ порученіе изслѣдовать расположеніе неприятельскихъ укрѣпленій. Пройдя до крайней оконечности нашей траншеи, я принялся зарисовывать планъ русской батареи, приходившейся напротивъ того мѣста, гдѣ мы стояли. Со мной находился сержантъ королевскаго сапернаго полка и двое нижнихъ чиновъ, помѣстившихся позади меня. Бѣдя съ сержантомъ насчетъ нашей работы, я не спускалъ глазъ съ батареи, возвышавшейся прямо передъ нами. Оторвавшись на минуту отъ своего занятія, я, помню, оперся о край корзины съ землею, прикрывавшей бортъ траншеи, и въ то же мгновеніе, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, куда были устремлены мои взоры, блеснулъ огонь выстрѣла и ослѣпилъ мнѣ глаза. Едва успѣлъ я крикнуть «берегись», какъ я и оба сапера, другъ на другѣ, лежали на землѣ. Какимъ-то чудомъ сержантъ остался невредимъ и позднѣе разсказалъ мнѣ, что оба солдата были убиты на мѣстѣ. Одному изъ нихъ оторвало голову, а у другого была страшная рана въ плечѣ, доходившая до легкаго. Не знаю въ точности, сколько времени пролежалъ я безъ сознанія въ этой грудѣ искалѣченныхъ человѣческихъ тѣлъ, но затѣмъ у меня сохранилось въ памяти какое-то слабое, смутное ощущеніе того, какъ сознаніе понемногу возвращалось ко мнѣ. Я уже чувствовалъ увѣренность, что остался живъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ убѣжденъ и въ томъ, что у меня исчезла вся верхняя часть черепа. Мнѣ очень хотѣлось поднять руку, чтобы осязнуть себѣ голову, но, помнится, отъ этого движенія меня удерживалъ страхъ, что мои пальцы, пожалуй, дотронутся прямо до мозга, который ничѣмъ не прикрытъ и каждую минуту можетъ вытечь. Далѣе, у меня осталось въ воспоминаніи, какъ я долго и медленно шелъ отъ мѣста, гдѣ былъ раненъ, поддерживаемый подъ одну руку сержантомъ, а подъ другую—какимъ-то солдатомъ. Около полумиди тащились мы такъ со скоростью погребальной процессіи до перевязочнаго пункта, расположеннаго позади каменоломня. Я былъ еще совсѣмъ оглушенъ отъ сотрясенія, меня клонило ко сну и я не могъ ни говорить, ни держаться на ногахъ безъ посторонней помощи. Видѣ у меня, вѣроятно, былъ ужасный: лѣвую щеку раздуло такъ, что она свѣшивалась прямо на воротникъ сюртука, на лицѣ и по всему тѣлу было нѣсколько ранъ отъ осколковъ камней, и я весь перепачкался въ крови — не только своей собственной,

Торжественное молебствіе въ присутствіи трехъ императоровъ передъ битвой подъ Кульмомъ въ 1813 году.

но и несчастныхъ саперъ, подъ трупамъ которыхъ я лежалъ. Помню, еще одну подробность нашего путешествія до перевязочнаго пункта. Когда мы проходили по батарее, устроенной въ каменоломняхъ, совсѣмъ близко надъ головою у насъ просвистѣлъ зарядъ картечи, пушенный изъ орудія крупнаго калибра...

Когда мы добрались, наконецъ, до траншеи, подходившей прямо къ перевязочному пункту, то я оказался въ хвостѣ длиннаго ряда раненыхъ всякихъ чиновъ и положеній, которые ожидали здѣсь осмотра врачей и первоначальной помощи и перевязки, послѣ чего отсюда всѣхъ ужъ отправляли въ лагерные лазареты. Доктора были страшно заняты и, естественно, торопились сбрызнуть всякаго поскорѣе съ рукъ. Когда очередь дошла до меня, то я все еще находился въ состояніи такой сонливости, что не могъ разсказать, что со мной случилось. Сержантъ и здѣсь пришелъ ко мнѣ на помощь и, благодаря его заботливости, доктора тутъ же внимательно осмотрѣли меня со всѣхъ сторонъ. У меня оказалась только одна тяжелая рана и множество глубокихъ ссадинъ и порѣзовъ по всему тѣлу. Мнѣ перевязали правый глазъ, на мѣстѣ котораго зиялъ огромный синякъ, и, какъ мнѣ показалось, доктора принялись шить мнѣ лѣвую щеку. Я чувствовалъ, что въ челюсти у меня что-то застряло, но доктора увѣрили, что это просто сломана челюстная кость. Я сталъ настаивать на своемъ и дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ изъ докторовъ зажалъ мнѣ голову между колѣнъ, а другой—щипцами вытащилъ у меня изъ щеки большой кусокъ остраго камня. Когда его извлекли, то я сразу почувствовалъ большое облегченіе. Сержантъ раздобылъ мнѣ носилки и четырехъ санитаровъ, которые перенесли меня спящимъ въ мою палатку въ лагерь. Черезъ нѣсколько дней тотъ же сержантъ пришелъ навѣстить меня и принесъ вынутый у меня изъ щеки кусокъ камня. Нѣсколько лѣтъ хранилъ я потомъ у себя этотъ трофей моей службы подъ Севастополемъ.

ГИМНЪ НЕНАВИСТИ.

Вся Германія распѣваетъ сейчасъ слѣдующій гимнъ на мотивъ «Два гернадера».

«Что мнѣ русскій, что мнѣ французъ? Мы ихъ не любимъ, но и не ненавидимъ. Въ насъ живетъ одна только ненависть. У насъ одинъ только врагъ, котораго всѣ вы знаете. Онъ отдѣленъ отъ насъ водами, болѣе плотными, нежели кровь. Онъ полонъ зависти, бѣшенства, хитрости и коварства. Его мы зовемъ на смертный бой. Мы бросимъ въ лицо ему клятву, желѣзную клятву, мы будемъ передавать ее изъ рода въ родъ, пусть прокатится она по всей Германіи: мы не отречемся отъ своей ненависти. У насъ одинъ только врагъ—Англія!»

Купи ты за деньги хотя бы всѣ народы міра. Построй барьеръ изъ слитковъ чистѣйшаго золота. Покрой всю поверхность морскую сплошнымъ покровомъ своихъ судовъ. Ты хитро считаешься, но все же сплеховалъ. Что намъ русскій, что намъ французъ? Мы воюемъ бронзой и сталью, но въ концѣ концовъ съ ними все же заключимъ миръ. Тебя же мы ненавидимъ длительной ненавистью. Мы не отречемся отъ своей ненависти. Ненависть на сушѣ и ненависть на морѣ! Ненависть головы и ненависть руки! Ненависть молота и ненависть короны! Убийственная ненависть семидесяти милліоновъ! Мы едины въ любви и едины въ ненависти. У насъ есть одинъ только врагъ — Англія!»

Англійскій передовой крейсеръ въ Дарданеллахъ.

СУВОРОВЪ ВЪ МИЛАНѢ.

Въ «Illustrazione Italiana», издающейся въ Миланѣ, была недавно помѣщена статья, посвященная событіямъ 1799 года.

Цисальпінская республика, въ которую была обращена Ломбардія волею Наполеона, кончала свое существованіе.

Разнеслась вѣсть, что австрійскій императоръ Францъ II получилъ въ помощь отъ императора Павла I русскій отрядъ подъ командою извѣстнѣйшаго генерала Суворова.

Еще въ 1795 г. Суворовъ долженъ былъ выступить въ походъ противъ французовъ; но императоръ Павелъ отмѣнилъ предполагавшійся походъ, и Суворовъ долженъ былъ возвратиться къ себѣ въ деревню.

Прощаясь съ солдатами, онъ снялъ мундиръ и всѣ свои ордена. «Товарищи», — обратился онъ къ нимъ, — «когда Суворовъ вернется къ вамъ, тогда онъ снова возьметъ эти ордена и знаки, которые онъ имѣлъ на себѣ при побѣдахъ и которые онъ вручаетъ теперь вамъ».

И онъ вернулся къ нимъ въ апрѣлѣ 1799 г. уже 69-лѣтнимъ старикомъ и во главѣ 63 батальоновъ направился на помощь австрійскимъ войскамъ.

«Illustrazione Italiana» приводитъ интересныя выдержки изъ Суворовскихъ поученій солдатамъ, хорошо намъ извѣстныя; здѣсь и хвала мо-

лодцу-штыку, и прославленіе быстрой и смѣлой атаки и т. д.

Всѣмъ этимъ поученіямъ былъ одинъ постоянный и вразумительный примѣръ: это онъ самъ, Суворовъ.

Въ сраженіи при Треббии онъ первый бросился вплавь въ рѣку во главѣ нѣсколькихъ казаковъ; какъ простой солдатъ, онъ выносилъ непогоду, бодрствовалъ, подрядъ нѣсколько ночей, спалъ прямо на голой землѣ.

Обыкновенно, онъ и вовсе не имѣлъ кровати, довольствуясь тюфякомъ, набитымъ сѣномъ.

«Въ госпиталѣ постель пріятна въ первый день», — говорилъ онъ, — «но на второй день она все равно, что постыный супъ, а на третій — прямо гробъ».

Суворовъ одѣвался всегда крайне просто, но въ сраженіяхъ надѣвалъ на себя всѣ ордена; во главѣ своихъ войскъ, онъ сразу вырасталъ и обращался въ неумолимаго, сильнаго волею полководца.

Во время перехода черезъ С.-Готтардъ солдаты не хотѣли идти дальше, боясь засады; тогда Суворовъ приказалъ четыремъ казакамъ вырыть для него яму и, обращаясь къ солдатамъ, просилъ лучше похоронить его заживо сейчасъ же, нежели отступать назадъ.

Себя онъ не щадилъ никогда; онъ нарочно шелъ всегда напроломъ,

преодолывая всегда препятствія, но никогда не обходя ихъ.

Про него рассказывали поэтому, что онъ приказываетъ отравлять раненыхъ, чтобы только не задерживаться изъ-за нихъ въ пути.

Одинъ иностранецъ, приглашенный Суворовымъ на завтракъ, съ изумленіемъ рассказывалъ, какъ на столѣ, покрытый грубой скатертью, прислуживавшіе фельдмаршалу казаки принесли блюдо вареной капусты и нѣсколько селедокъ — и больше ничего; затѣмъ появился еще на столѣ «пуншъ», и Суворовъ пилъ его и угощалъ собственноручно всѣхъ солдатъ, подходившихъ къ столу.

Съ прибытіемъ Суворова французы начали терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Суворовъ разбилъ Моро при Нови, затѣмъ взялъ въ плѣнъ генерала Серюрье. Послѣ этихъ побѣдъ онъ направился къ Милану и 28 апрѣля вступилъ въ столицу Ломбардіи.

Власть Директоріи пала, хотя еще наканунѣ правительство пыталось скрыть настоящее положеніе дѣлъ и распространяло ложное извѣстіе, что республиканскія войска одержали побѣду, и что прибыло къ нимъ сильное подкрѣпленіе.

Днемъ 28 апрѣля на улицахъ Милана появились казаки и были восторжено привѣтствованы народомъ.

Суворовъ прежде всего направился въ церковь Св. Георгія и вслѣдъ затѣмъ побывалъ у миланскаго архіепископа.

Онъ остановился въ домѣ Кастильони; вечеромъ же въ честь его былъ данъ блестящій балъ; къ своему изумленію, дамы были прямо очарованы обходительностью Суворова.

Современникъ этихъ событій, Верри, писалъ, что русская милиція хорошо дисциплинирована, безстрашна; она вѣритъ, что души павшихъ въ сраженіи воиновъ возносятся прямо на небо, и русскіе солдаты не боятся смерти и не отступаютъ ни передъ чѣмъ; ростомъ они не выше средняго, но у нихъ сильно развита грудь и широкія плечи; все говоритъ о силѣ и выносливости, и въ то же время ихъ лица свѣтятся умомъ и смысленностью.

Суворовъ недолго оставался въ Миланѣ; онъ предоставилъ Австріи заняться политическимъ устройствомъ Ломбардіи, а самъ со своими войсками двинулся дальше, продолжая изумлять своихъ враговъ быстрыми и смѣлыми переходами.

Прежде и теперь.

ИСТОРИЯ МАРСЕЛЬЕЗЫ.

Въ началѣ великой революціи Жозефъ Руже-де-Лиль (1760—1836) въ чинѣ капитана служилъ въ инженерныхъ войскахъ, расположенныхъ гарнизономъ въ Страсбургѣ.

Уже и тогда онъ считался хорошимъ музыкантомъ-композиторомъ, многія произведенія котораго и до сихъ поръ хранятся въ библиотекѣ парижской консерваторіи.

Недурно владѣя стихомъ, почти всѣ романы и пѣсни онъ писалъ на собственныя слова. Живя въ пограничномъ тогда городѣ, Руже-де-Лиль частенько развлекалъ цѣлое общество офицеровъ, тосковавшихъ по далекомъ Парижѣ, своею игрою на виолончели и пѣніемъ.

Когда вспыхнула война 1792 г., Дитрихъ, мэръ Страсбурга, устроившій у себя прощальный вечеръ накануне выступленія въ походъ Рейнской арміи, предложилъ гарнизонному капитану сочинить бравурный маршъ или военную пѣсню, которая воспламеняла бы войска.

Руже-де-Лиль обѣщаль сдѣлать попытку и по уходѣ отъ мэра отправился въ крѣпость, гдѣ почти до разсвѣта пробылъ среди пушекъ и ружей, воодушевляя себя этимъ зрѣлищемъ и почерпая въ немъ вдохновеніе.

Дѣло пошло на ладъ.

Офицеръ спѣшитъ къ себѣ, компонируя въ головѣ слова и мелодію, беретъ за виолончель, развиваетъ на ней все ярче и ярче чудесный мотивъ, пришедшій ему въ голову, когда онъ бродилъ по крѣпостному валу, и записываетъ слова.

Утромъ «Военная пѣснь Рейнской арміи», какъ онъ ее первоначально назвалъ, исполненная -передъ войсками безчисленное количество разъ, съ энтузіазмомъ была подхвачена увлеченными ею солдатами, волонтерами и всей присутствовавшей толпой.

Страсбургскіе волонтеры первые пошли въ сраженіе, распѣвая ее.

Въ іюнѣ пѣсня дошла до Марселя и вмѣстѣ съ марсельскими добровольцами перенеслась въ Парижъ, въ силу чего за ней и утвердилось названіе Марсельезы».

Она быстро распространилась по всей Франціи, возбуждая энтузіазмъ не только среди арміи, но и въ народѣ.

Въ солдатахъ же она пробуждала такое бодрое настроеніе, что многіе генералы честь побѣды приписывали исключительно ей.

Эта пѣсня, позднѣе ставшая національнымъ французскимъ гимномъ, по словамъ Гёте, «стоила жизни многимъ тысячамъ германцевъ».

Клопштокъ, позднѣе встрѣтившій въ Гамбургѣ Руже-де-Лиль, какъ бы подтвердилъ слова Гёте, сказавъ, что «ваша поэма убила 80.000 нѣмецкихъ солдатъ!»...

Терская легенда о войнѣ.

Въ народѣ уже создаются легенды, по своему объясняющія великую европейскую войну.

Одна изъ такихъ легендъ циркулируетъ въ Терской области.

— Одинъ мужичокъ возвращался изъ Кіева, куда ходилъ пѣшкомъ на богомолье, и на дорогѣ, между ст. Павлодольской и Моздокомъ, встрѣтилъ челоѣка, одѣтаго въ длинную черную мантию, который „несъ на плечахъ громаднхъ размѣровъ чернхъ крестъ“.

— „Куда ты идешь, мужичокъ?“ — спросилъ его челоѣкъ въ мантии.

— Домой, батюшка,—отвѣтилъ му-

Раненые герои — наши друзья и союзники французы и англичане.

Новое пророчество о войнѣ.

Извѣстная парижская предсказательница г-жа де-Тэбъ сдѣлала новое предсказаніе о настоящей войнѣ.

По ея словамъ, война окончится въ ноябрѣ; она не будетъ продолжительной, но послѣ нея Европа не скоро оправится отъ тяжкихъ потерь.

Множество городовъ превратятся въ сплошныя кладбища.

Французы и русскіе одержатъ полную побѣду надъ германской имперіей.

Русскія войска вступятъ въ Берлинъ.

Посоль германскаго императора обратится къ Россіи съ просьбой о мирѣ и миръ этотъ будетъ заключенъ въ Голландіи.

жичокъ, думая, что передъ нимъ священникъ.

— Я не батюшка.

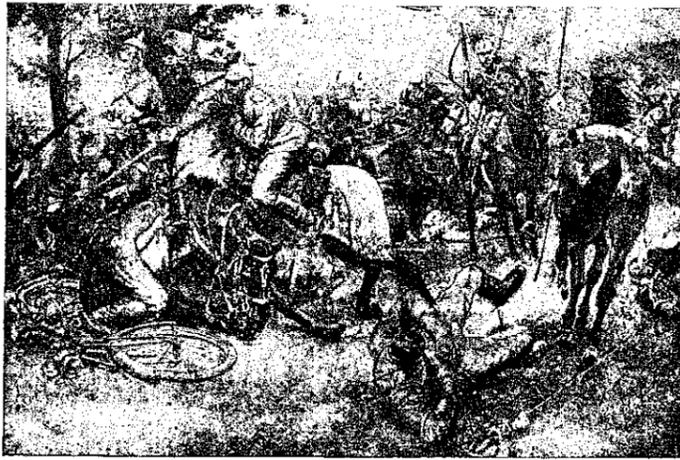
Мы встрѣтились здѣсь съ тобой «по повѣленію Божію», и ты долженъ сперва отвѣтить на всѣ мои вопросы, затѣмъ выслушать все, что я тебѣ буду говорить, а потомъ пойти въ міръ и проповѣдывать то, что отъ меня услышишь.

— Слышалъ,—отвѣтилъ опять мужичокъ.

— Ну, такъ слушай дальше,—продолжалъ челоѣкъ въ мантии.

— Челоѣкъ этотъ—я.

Господь меня послалъ предупредить родъ челоѣчскій о теперешней войнѣ, и я, явившись весною здѣсь, отправился прямо къ «американскому

Предательское нападеніе прусскихъ кавалеристовъ на бельгийцевъ.

царю», которому запретилъ отпралять куда-либо за моря своихъ людей, поэтому онъ теперь не воюетъ.

Отъ американскаго царя я отправился къ царю англискому (английскому), которому велѣлъ защищать обиженныхъ.

Отъ царя англискаго я отправился къ вашему Царю и тоже просилъ защищать обиженныхъ.

Послѣ этого я отправился къ православному сербамъ, которымъ «велѣлъ усердно молить Господа о своихъ грѣхахъ, такъ какъ имъ первымъ нужно было стать лицомъ къ смерти».

Къ нѣмскимъ (нѣмецкимъ) царямъ я не пришелъ, потому что они выдумали самое страшное оружіе «убиства» своихъ ближнихъ, и Господь отъ нихъ «отвернулся».

Ты видишь на плечахъ моихъ крестъ?

Этотъ крестъ я несу въ «нѣмецкія» земли и накажу имъ жестоко нѣмецкихъ царей за то, что они обнажили свои мечи по своей гордости.

Послѣ этого человекъ въ мантии на огненныхъ крыльяхъ, вмѣстѣ съ крестомъ, поднялся въ облака.

ВЪ ИСТОРИИ АРТИЛЛЕРІИ.

Въ военномъ американскомъ журналѣ «United Service Magazin» находимъ интересную статью капитана Кинга, посвященную исторіи развитія огнестрѣльнаго оружія и артиллерійскаго дѣла. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе указаніемъ на то, что взрывчатое вещество, похожее на порохъ, было

уже извѣстно въ очень отдаленныя времена. Невозможно, однако, сказать, когда и кѣмъ именно оно было открыто. Нѣтъ и точныхъ свѣдѣній о томъ, когда впервые стали употреблять порохъ для военныхъ цѣлей.

Что касается пушекъ, то онѣ уже въ XII вѣкѣ были въ употребленіи у китайцевъ, хотя конструкция ихъ была самая примитивная. Въ Европѣ огнестрѣльное оружіе впервые было введено испанскими маврами въ XII или XIII столѣтіи. Въ 1326 году во Флоренціи появляется уже первый пушечный заводъ для приготовленія какъ орудій, такъ и ядеръ и пороху. Въ 1338 году пушки появляются въ Лондонѣ и въ арсеналѣ города Руана. Въ 1372 году встрѣчаемъ небольшія орудія на французскихъ судахъ.

Самыми древними орудіями были мортиры, употреблявшіяся для осады. Онѣ представляли просто на просто массивныя и тяжелыя желѣзныя трубы, которыя подвозились на особыхъ возкахъ. До 1400 г. онѣ стрѣляли исключительно каменными ядрами. Въ 1378 г. въ Аугсбургѣ были отлиты первыя пушки изъ бронзы, а въ 1382 артиллерія впервые принимала участіе въ битвѣ при Розбахѣ. Особенно способствовали развитію полевой артиллеріи гусситскія войны. Настоящая полевая подвижная артиллерія появилась только у Густава-Адольфа Шведскаго.

Во второй половинѣ XIV вѣка во Фландріи была изобрѣтена особая ручная пушка, представлявшая изъ себя длинный желѣзный цилиндръ, прикрѣпленный къ деревянной подставкѣ. У Эдуарда IV англискаго такихъ пушекъ было около 30. Въ 1470 было изобрѣтено первое ружье съ замкомъ, которое стрѣляло при помощи спуска курка. Оно вѣсило около 12 фунтовъ, длиною было въ 3 сличкомъ фута. За этимъ аркебузомъ появился въ 1520 г. мушкетъ уже гораздо короче, который былъ уже въ полномъ употребленіи въ арміи герцога Альбы. Стрѣляли изъ мушкетовъ всего на 500 ярдовъ.

Въ срединѣ XIV столѣтія кавалерія повсюду была вооружена особымъ видомъ короткообразныхъ ружей. Однимъ изъ первыхъ сообразившимъ, что настоящимъ ея вооруженіемъ должно быть холодное орудіе, былъ Оливеръ Кромвель.

Въ дѣлѣ развитія огнестрѣльнаго оружія больше всѣхъ запаздывала Англія, и въ то время, какъ другія страны давно уже отказались отъ лука, Англія все еще считала своей гордостью мѣткихъ стрѣлковъ изъ этого первобытнаго оружія. Введенныя было Эдуардомъ IV ручныя пушки были черезъ 50 лѣтъ запрещены въ Англіи. Но

Битва съдой древности съ участіемъ боевыхъ слоновъ.

въ 1537 году для производства огнестрѣльнаго оружія образовалась уже цѣлая компанія, получившая королевскую привилегію. Въ 1567 г. въ Англіи все еще были въ ходу длинноствольныя ружья, которыя отжили свой вѣкъ только послѣ возстанія католиковъ въ 1569 году.

Торговая реклама.

Въ Лондонѣ, на улицахъ, въ пользу жертвъ войны, продаются «рекламныя» письма слѣдующаго содержанія.

На конвертѣ—«торговая марка» кайзера: Вильгельмъ, пожимающій руку чорту, который указываетъ императору на кипящій котелъ въ аду («мѣсто готово»)! На дѣловой карточкѣ, вложенной въ конвертъ, значится: «Господа Кайзеръ, Круппъ, Цеппелинъ и К^о—патентованные убійцы, поджигатели и погромщики. Убиваютъ по подряду въ громадныхъ размѣрахъ. Охотнѣе всего избиваютъ женщинъ и дѣтей. Образчики работы можно видѣть въ Льежѣ, Малинѣ, Термонѣ, Лувенѣ и Реймсѣ. Безоглагательно требуются помощники! Возрастъ: отъ четырнадцати до девяносто пяти лѣтъ; условія службы: покуда не изловятъ и не разстрѣляютъ; плата—вознагражденіе грабежомъ».

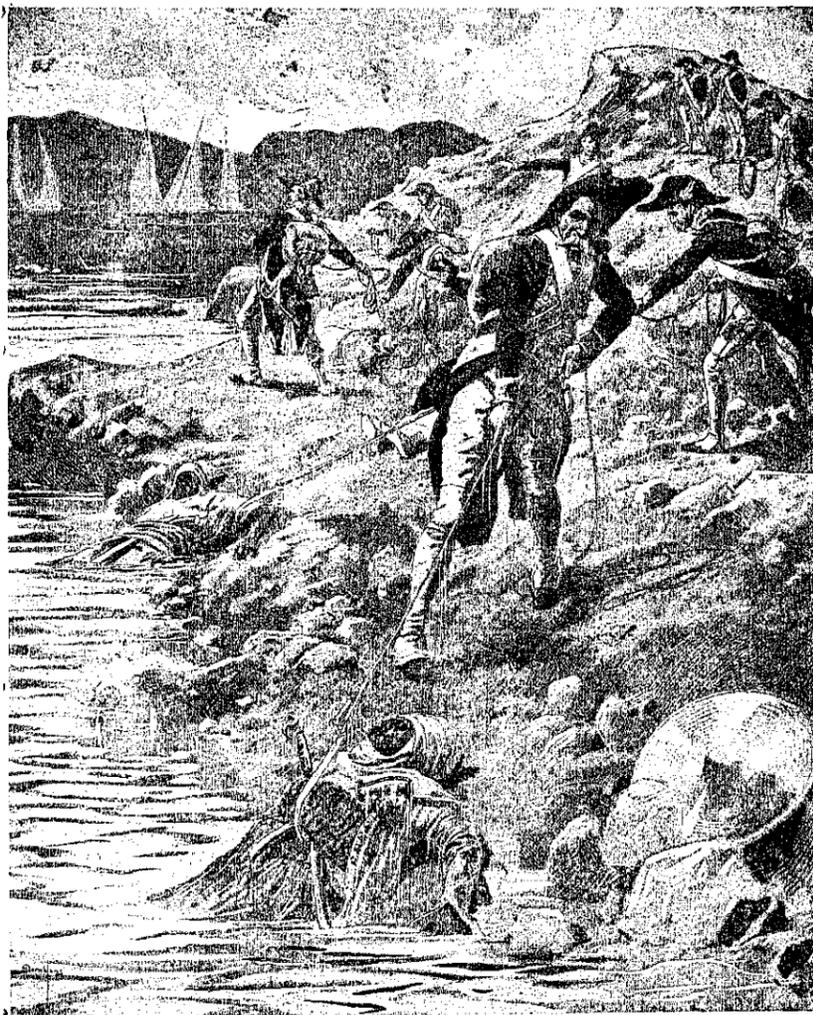
Спортъ и война.

Характерное для англичанъ увлеченіе всякими видами спорта не оставляетъ ихъ и въ военное время. Журналъ «Sporting» передаетъ, что надняхъ разыгрывался на западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій небывалый въ лѣтописяхъ спорта матчъ футбола. Команды состояли изъ офицеровъ штабовъ 1 и 2 кавалерійскихъ дивизій, а начальниками командъ выступили командиры дивизій—генераль-маіоръ Гофъ и генераль-маіоръ Бингъ. Состязаніе это привлекло всѣхъ свободныхъ отъ занятій офицеровъ и солдатъ. Побѣда склонилась уже къ командѣ генерала Бинга, когда офицеръ изъ команды генерала Гофа удачно вбитымъ големъ свелъ партію къ ничьей. Рѣшено устроить при первой возможности новое состязаніе.

О ВОЙНѢ.

Знаменитый французскій писатель, членъ *academie française*, Анатоль Франсъ:

«Война никогда не могла и не можетъ быть, чѣмъ-либо точнымъ и опредѣленнымъ. Но, однако, всегда чувствовался и отражался въ ней духъ и мысль даннаго народа. Въ чемъ выражаются и какъ опредѣляются необходимыя качества полководца? Война настоящаго и еще больше война будущаго, тре-

Эпизодъ изъ Наполеоновскаго похода въ Египетъ. Солдаты вытаскиваютъ изъ воды трупы феллаховъ, нагруженныхъ золотомъ, которое и послужило причиной ихъ гибели: феллахи утонули во время переправы черезъ Нилъ.

буетъ нѣчто большее и иное чѣмъ умъ одного, отдѣльнаго; челоѵка. Все увеличивающіяся техническія изобрѣтенія парализуютъ сообразительность, хотя бы и гениальнаго, челоѵка и потому безталанные и выдающіеся полководцы могутъ вдругъ оказаться равными на полѣ сраженія, гдѣ имѣютъ главное значеніе сила народной воли и усовершенствованныя орудія въ арміи.

Анатоль Франсъ.

Лаконизмъ.

Великіе полководцы, люди больше дѣла, чѣмъ слова, обычно не блещутъ краснорѣчіемъ, и донесенія ихъ отличаются крайнимъ лаконизмомъ. Такъ, послѣ капитуляціи Праги, Суворовъ напр., послалъ слѣдующее донесеніе Императрицѣ Екатерицѣ II: «Ура! Пра-

га!», на что получилъ въ отвѣтъ: «Браво! Фельдмаршалъ!»

Интересное донесеніе было прислано англійскому правительству суровымъ морскимъ волкомъ, адмираломъ Робертомъ Блэкъ, послѣ одержанной имъ блестящей побѣды надъ французами: «Встрѣтилъ французскій флотъ; разбилъ, потопилъ, сжегъ».

Не любилъ многословія и французскій маршалъ, виконтъ де-Тюрень, который послѣ блестящей побѣды у Дюнь въ 1685 году доносилъ о своей побѣдѣ въ словахъ: «Непріятель пришелъ, разбилъ. Усталъ. Спокойной ночи».

Является ли это стремленіемъ подражать знаменитымъ словамъ Цезаря—«пришелъ, увидѣлъ побѣдилъ», или же лаконизмъ, вообще, свойствененъ великимъ полководцамъ?

РОССИЯ: «Ты лавровъ хотѣлъ?! Сейчасъ получишь!!»

„20-й ВѢКЪ“

ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДУ
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА.
Военные рассказы, очерки, рисунки, картины,
корреспонденции и т. д. Цѣна 6 коп.